

РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Федорова

БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рецензия. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П.А. Косинцева. — Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. — 376 с.: ил. — (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 4)

В рецензии на коллективную монографию «Историческая экология населения севера Западной Сибири» (авторы: Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш, П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова) рассматриваются положительные и отрицательные аспекты работы. В качестве положительных отмечают собрание письменных источников и качество издания. Далее разбираются концептуальные ошибки авторов монографии. Первая — отсутствие анализа данных археологических источников для рассмотрения систем жизнеобеспечения населения эпохи железа, и главным образом становления и развития таких важнейших отраслей хозяйства, как оленеводство и торговля. Вторая — постановка во главу угла хозяйственных реконструкций результатов исследований Надымского Городка. В заключение обращается внимание на фактические ошибки в тексте и таблицах.

Историческая экология, оленеводство, пушная охота, торговые связи, письменные источники, изобразительные источники, Надымский Городок.

В 2013 г. в серии «Материалы и исследования по истории Севера Западной Сибири» вышла коллективная монография «Историческая экология населения севера Западной Сибири». Книга состоит из трех глав, в которых группируются и анализируются все доступные авторам источники (письменные, изобразительные, палеоэкологические) по исторической экологии населения севера Западной Сибири в промежутке от раннего железного века до нового времени. Количество собранных и опубликованных источников, публикация их в одном месте относятся к несомненным достоинствам книги. Надо отметить также прекрасное качество издания и — с сожалением — малый тираж его (всего 300 экз.).

Рецензии обычно пишутся по трем причинам. Во-первых, если есть заказ издательства или автора. Это случается чаще всего. Во-вторых, если книга/статья настолько нравится и кажется настолько полезной для научного сообщества, что этим хочется немедленно поделиться с коллегами. В-третьих, если будущий рецензент, прочитав книгу или статью, понимает, что он категорически не согласен с некоторыми или многими положениями авторов публикации.

В древней истории населения севера Западной Сибири есть несколько «больных» вопросов, по которым в течение многих лет ведутся более или менее оживленные дискуссии, но, как это часто случается, к общему мнению спорящие так и не приходят. Такими животрепещущими проблемами были выделение археологических культур, их территорий и признаков, хронологии отдельных этапов культур и общностей, этнические интерпретации отдельных археологических образований. В последнее время обсуждаются вопросы хозяйственных адаптаций, и среди них два, пожалуй, основных — время и место происхождения домашнего оленеводства; становление и развитие пушной охоты как маркера торговых связей. В частности, дискутируется проблема прямых и косвенных источников, пригодных для их решения. Прямых источников, по мнению авторов рецензируемой монографии, может быть только три вида: сообщения в письменных памятниках, кости пушных зверей, найденные при раскопках поселений, и, наконец, выделение по костному материалу из тех же раскопок дикого и домашнего оленя. Косвенные, к которым — по их мнению — относятся все остальные, в том числе археологические, ими не признаются как достаточно информативные. Поэтому появление оленеводства и развитые торговые связи относятся ими к периоду не ранее XVI в., а причины адаптационных «прорывов» видятся в контактах с русскими переселенцами. Действительно, письменные источники, в которых хоть с какой-то полнотой описываются хозяйственные занятия местного населения, для севера Западной Сибири не известны до XVI в., костей пушных зверей на поселениях обнару-

жено мало, а кости дикого и домашнего оленя различать так и не научились. Позволю себе с этой позицией категорически не согласиться. И так, в данном случае имеет место третий вариант: автор рецензии не согласен со многими положениями рецензируемой монографии.

В первой главе книги приводятся письменные и изобразительные источники по исторической экологии. Письменные источники, временной охват которых — от XIII до конца XX в., представляют собой тщательно подобранные и скомпонованные по хронологическому принципу выдержки из сочинений средневековых западноевропейских авторов, русских делопроизводственных документов XVII–XVIII вв., описаний путешественников и исследователей Нижнего Приобья, современных историков и этнографов. Их публикация в одной книге несомненно удобна для читателя, тем более что многие из этих изданий являются редкими и труднодоступными. Не вполне понятно, почему не включены сочинения арабоязычных авторов эпохи средневековья, они, во всяком случае, не менее информативны, чем записки монаха Рихарда или Плано Карпини.

Во второй части этой же главы приводятся изобразительные источники, к которым, по мнению авторов, относятся «рисунки и фотографии» (с. 155). Впервые после 1949 г. публикуются хранящиеся в МАЭ РАН шторы, рисунки на которых выполнены художником Н. Шаховым в середине XIX в. Авторы подборки приводят описания В.Н.Чернецова из его статьи 1949 г., проиллюстрированные цветными фотографиями шторок. После чего без комментариев публикуются несколько гравюр из книги И.Г. Георги и Г.П. Паули, изображающие остяков, самоедов и юрака. Позиция авторов в отношении изобразительных источников, мягко говоря, не понятна. Кроме «рисунков и фотографий» (какие, кстати, фотографии имелись в виду?) известен огромный пласт произведений изобразительной деятельности того самого населения, о котором идет речь, причем в том же временном промежутке — от раннего железного века до этнографической современности. Это рисунки и скульптура обских угров и самодийцев, опубликованные С.В. Ивановым [1954, 1970]; большой массив археологических художественных изделий из кости, бронзы, дерева, воспроизводящих как образы людей, так и представителей фауны севера Западной Сибири, причем часто в различных сценах. Право авторов рассматривать те источники, которые они считают нужным, но хотя бы упомянуть о существовании других необходимо.

Во второй главе описываются промысловые и домашние животные, остатки которых в том или ином виде были обнаружены при исследовании археологических памятников. «Данные по биологии, ареалам и систематике отдельных видов взяты из общих сводок по млекопитающим, птицам и рыбам» (с. 172). Сводка полная, хорошо иллюстрированная.

Третья глава посвящена палеоэкологическим источникам, которые приведены со всей доступной полнотой, тем более что один из авторов монографии является основным в регионе исследователем, уже в течение многих лет собирающим эти материалы в музее ИЭРиЖ УрО РАН и проводящим их описание и анализ. Материалы даны по отдельным памятникам; после описания, где это возможно, дается краткий анализ археозоологического материала. Резюмирующая часть книги содержится в коротком заключении (с. 351–353).

Авторы назвали свою книгу «Историческая экология населения севера Западной Сибири» и выпустили ее в серии «Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири». Ранее, в 2005 г., вышла монография П.А. Косинцева под названием «Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники» [2005]. В ней, собственно, опубликованы почти все данные, которые вошли в рецензируемую монографию, за исключением подборки документов и письменных источников. Подзаголовок «источники» в издании 2005 г. снимает претензии к некоторой бедности аналитики и выводов. К сожалению, в названии рецензируемой книги этого слова нет, поэтому читатель все время ждет серьезного анализа корпуса источников в заключение.

Но суть даже не в разнице подходов авторов и рецензента к степени полноты источниковой или аналитической базы, а в двух — на мой взгляд — концептуальных ошибках авторов, в связи с чем картина «систем жизнеобеспечения» древнего и средневекового населения севера Западной Сибири выглядит не корректно.

Ошибка первая. На с. 228 авторы пишут: «В целом следует отметить, что археологические источники еще в очень ограниченном объеме используются для получения историко-экологической информации» — что правильно и полностью может быть отнесено и к данной работе. После чего следует парадоксальное заявление: «В дальнейшем они (археологические источники. — Н. Ф.) рассматриваться не будут». Но ведь ясно, что без анализа археологических источников все выводы становятся более чем приблизительными.

Я бы добавила сюда еще наблюдения, сделанные специалистами по этноархеологии на действующих поселениях сибирских народов, в частности исследования А.В. Кенига по этноархеологии селькупов [Кениг, 2010]. Результаты этих исследований дают крайне интересную возможность верификации археологических и археозоологических интерпретаций.

Реконструкция появления и развития оленеводства без учета археологических источников, как прямых — наличие в культурном слое памятников комплекса орудий, связанных с оленеводством, так и косвенных — пространственное и сезонное расположение памятников в удаленных, не доступных без использования оленьего транспорта районах тундры, на мой взгляд, абсолютно невозможна. Тем более в таком категорическом ключе: «Никаких достоверных археологических данных о наличии домашнего оленя в период до XVI в. на сей день нет» (с. 324). На самом деле таких данных вполне достаточно, о чем неоднократно сообщалось в статьях целого ряда авторов, в том числе самого П.А. Косинцева (см., напр.: [Косинцев, Федорова, 2001, с. 51–53; Федорова, 2006, с. 149–156; Алексашенко, 2008, с. 39–41; История Ямала, 2010, с. 159–161]). Кстати, символично, что многие издания, концептуально не совпадающие с новой позицией авторов монографии, отсутствуют в библиографии книги.

К прямым источникам, обнаруженным в культурном слое археологических памятников, можно отнести находки орудий труда или их фрагментов, связанных с оленеводством: части нарт — полозья и копылья, острые и тупые наконечники хореев, пуговицы, блоки и вертлюги от оленьей упряжи, налобные пластины. Все эти изделия в массе найдены уже при раскопках древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. — I в. н.э.). Там же была обнаружена деревянная колода на ногу оленя [Усть-Полуй..., 2003, с. 74]. Оппоненты могут возразить, что большинство орудий с той же степенью вероятности можно атрибутировать как части собачьей упряжи, кроме налобных пластин, которые, как полагали в свое время В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, являлись частью упряжи оленя-манщика. Разумеется, вертлюги и нарти могут употребляться и для оленьей и для собачьей упряжи — они достаточно универсальны. Можно еще добавить, что вертлюги, практически аналогичные усть-полуйским, применялись на Руси для содержания ловчих птиц [Федоров и др., 2011, с. 204–205]. Что касается узды для оленя-манщика — мне уже доводилось писать об этом, и в свое время П.А. Косинцев был со мной согласен: тренировка манщика требует навыков работы с животным, она гораздо сложнее обучения ездовых оленей. В своей монографии 2005 г. П.А. Косинцев, в частности, писал: «...Дрессировка оленя-манщика достаточно сложна и может быть создана людьми, уже имеющими опыт работы с оленем. Поэтому гораздо логичнее, что оленя-манщика стали использовать оленеводы, а не охотники на оленя» [2005, с. 77–78]. Вполне определенное и логичное заявление.

Поскольку прямые источники допускают как минимум два истолкования, вполне корректно будет обратиться к косвенным. В сумме это дает непротиворечивую картину становления и развития оленеводства в регионе. Жанр рецензии не позволяет углубляться в аргументацию, касающуюся косвенных источников о происхождении оленеводства, тем более что все это с той или иной степенью подробности уже излагалось в разное время в различных публикациях — насколько мне известно, пока никем не оспоренных по существу. Кстати, одним из видов ведения дискуссии в настоящее время стало игнорирование аргументов противника, как будто их и не было. Не самый лучший способ. Но уместно хотя бы просто перечислить то, что относится к «косвенным» источникам. Первое: изображения оленя с раскрытым ртом, вывалившимся языком и с ошейником на шее — предположительно сцена принесения оленя в жертву — или две оленьи головы, подвешенные на некий предмет, возможно дерево. Таких изображений в комплексе Усть-Полуя известно не менее десяти. Второе: заселение открытых тундр полуострова Ямал не ранее начала средневековья — это стало возможным только с распространением оленьего транспорта и увеличением поголовья оленьих стад. Вряд ли можно представить себе пеших охотников на дикого оленя, нагруженных домашним скарбом, шестами для чума, а также детьми и даже их игрушками (игрушки известны в комплексе поселения Тиутей-Сале I), бредущих по просторам Ямала от его южных границ до мыса Моржового на северо-западе полуострова. Картинка получается фантастическая. Третье: явно возросшая военная активность населения севера Западной Сибири в конце I тыс. до н.э. свидетельствует о появлении нового транспорта, и более того — смене образа жизни (резкое усиление обороны городищ в конце кулайского времени; некоторые клады эпохи средневековья, более всего напоминающие грабительские захоронки, изобразительные сюжеты с воинами в панцирях и шлемах, пресловутый танец с саблями, зафиксированный в XIX в., но известный значительно раньше — на рисунках-

гравировках раннего железного века и средневековья. Четвертое (кстати, почерпнутое из опубликованных в рецензируемой монографии отрывков из трудов Г. Миллера): «Нет сомнений в том, что домашние олени произошли от диких. Но нет сведений о том, чтобы в настоящее время эти народы приручали диких оленей. Более того, они утверждают, что это невозможно, так как если даже поймать их совсем молодыми и воспитывать вместе с домашними, они все равно после того, как вырастут, убегут к диким... Поэтому у народов существуют совершенно различные названия для домашних и диких оленей, как если бы это были два совершенно различных вида животных» — на мой непросвещенный с точки зрения зоологии взгляд, этот пассаж свидетельствует, что приручение оленя состоялось во времена намного более древние, чем те, которые описывает Г.Ф. Миллер.

Теперь о пушной охоте и соответственно о развитии торговых отношений. Ее уровень, по мнению авторов, может определяться только исходя из количества костей пушного зверя на поселении. Они делают выводы: «Промысел пушных видов... также не играл значительной роли в экономике, по крайней мере, до XVI–XVII вв.». И далее: «Добыча пушных видов значительно увеличивается и достигает наибольшего развития в XVI–XVII вв. с приходом в регион северо-европейского населения, когда *появляется спрос* (курсив мой. — Н. Ф.) на все виды мехов» (с. 326). В заключение авторы пишут: «...увеличение доли пушных животных (в костном материале поселений. — Н. Ф.) знаменует *появление и укрепление* торгово-меновых отношений в регионе» (с. 351, курсив мой. — Н. Ф.). Но позволю себе привести два опровергающих это положение факта. Первый: охота на пушного зверя осуществлялась чаще всего довольно далеко от поселения, в результате чего кости не попадали в его культурный слой (см., напр.: [Кениг, 2010, с. 53]). Второй: помимо костей, развитие торговых контактов маркируют импортные товары, которые известны с раннего железного века (например, бронзовые изделия и бусы из стекла и фаянса из комплекса древнего святилища Усть-Полуй), довольно часто встречаются в IX–XI вв., а в массе появляются с XII в. Причем они настолько массовы, что в XII–XIV вв. происходит полная смена набора украшений и принадлежностей костюма — с местного на импортный, а керамика вообще исчезает из обихода, заменяясь импортными медными котлами [Федорова, 2012, с. 98–105]. О торговле с зауральским Севером повествуют и письменные источники, главным образом арабоязычные (X–XIV вв.), для которых почему-то не нашлось места в рецензируемой монографии. На эту тему имеется целый ряд публикаций, в том числе в общедоступных изданиях, которые авторы также почему-то «обошли» своим вниманием [Федорова, 2002, с. 91–101; История Ямала, 2010, с. 183–192].

Вторая концептуальная ошибка авторов заключается в том, что во главу угла своих реконструкций хозяйственной деятельности, в частности таких ее показателей, как наличие оленеводства или развитие пушной охоты как маркера торговых отношений, они ставят результаты исследований Надымского Городка. Бесспорно, Надымский Городок в настоящее время является одним из наиболее изученных стационарными раскопками и комплексными (в том числе археобиологическими) исследованиями на севере Западной Сибири памятников. Но он расположен на востоке территории современного ЯНАО, т.е. в северо-восточной части Западной Сибири. В силу этого расположение городок отстоит далеко от основных торговых путей по сравнению с более западными памятниками. И вполне естественно запаздывание некоторых культурных процессов у его населения.

Вызывает сожаление и небрежность авторов как в тексте, так и при составлении таблиц. Так, на с. 6 упоминается, что «начало археологического изучения севера Западной Сибири было положено... В.Н. Чернецовым и А.В. Андриановым» — по-видимому, имелся в виду первый исследователь Усть-Полуя В.С. Андрианов? На с. 235 в таблице содержатся сведения о том, что, во-первых, Усть-Полуй датирован «2 тыс. до н.э. — 2 тыс. н.э.», во-вторых, что поселение Зеленая Горка находится в зоне северной тайги, тогда как оно расположено на соседнем с Усть-Полуем мысу в лесотундровой зоне. Кроме того, при анализе материала с этого поселения авторы забывают упомянуть о том, что Зеленая Горка — не однослойный памятник, — это было известно еще по публикации В.Н. Чернецова и подтверждено раскопками ЯАЭ. На с. 262 приводится дата Усть-Полуя — 2 в. до н.э. — 2 в. н.э., тогда как все даты этого памятника, и радиоуглеродные, и дендрохронологические, укладываются в пределы I в. до н.э. — I в. н.э., что также неоднократно публиковалось. На с. 324 утверждается: «Все найденные при раскопках археологических памятников детали нарт относятся к таежному типу косокопильных нарт». Все

полозья нарт, найденные при раскопках Усть-Полуя, относятся к прямокопильным — это также легко проследить по соответствующим публикациям.

Все вместе взятое дает возможность сделать окончательный вывод — столь нужное, достаточно информативное издание сильно проигрывает из-за ошибок в текстах и таблицах и странной позиции авторов по отношению к археологическим источникам. Первое издание «Экологии средневекового населения севера Западной Сибири. Источники» (2005 г.) со всех точек зрения выглядит более основательным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексащенко Н.А. Хозяйство Усть-Полуя // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге. Науч. вестн. Ямало-Ненецкого округа. Салехард, 2008. Вып. № 9 (61). С. 38–48.
- Алексащенко Н.А., Косинцев П.А. Хозяйство населения севера Западной Сибири в эпоху железа // История Ямала. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I, кн. 1. С. 156–182.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. ТИЭ. Нов. сер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 22. 838 с.
- Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 295 с.
- История Ямала. Т. 1: Ямал традиционный. Екатеринбург: Баско, 2010. 413 с.
- Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. 128 с.
- Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири: Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 272 с.
- Косинцев П.А., Федорова Н.В. Ненэй ненец и сихиртя // Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 51–53.
- Усть-Полуй: 1 век до н.э.: Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. 76 с.
- Федоров В.М., Матехина Т.С., Осипов Д.О. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Зап. ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. № 6. С. 199–211.
- Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: История взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 91–101.
- Федорова Н.В. Каслание длиной в две тысячи лет: Человек и олень на севере Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Вып. 14: Материалы ко II Междунар. сев. археол. конгр. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. С. 149–156.
- Федорова Н.В. Торговые связи региона с древности до средневековья // История Ямала. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I, кн. 1. С. 183–194.
- Федорова Н.В. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2012. № 4 (37). С. 98–105.

Салехард, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
mvk-fedорова@mail.ru

A review on a collective monograph «Historical ecology of the population from West Siberian North» by G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, P.A. Kosintsev, T.V. Lobanova presents positive and negative aspects of the study from the viewpoint of the review's author. A collection of written sources and fine quality of the edition are marked as positive aspects. Further on, subject to emphasis being two concept errors made by the monograph's authors. The first one — lack of analysis on the data of archaeological sources for considering systems of life support with the population of the Iron Age and primarily, formation and development of such most important economical branches as reindeer breeding and trade. The second one — treating the economy reconstructions from the investigation results of Nadym Gorodok as more important than anything else. The review is concluded by analysis of factual errors in the text and tables.

Historical ecology, reindeer breeding, fur trapping, trading relations, written sources, pictorial sources, Nadym Gorodok.